

строкой позволяют управлять не только процессом письма, но и чтения и аудирования. Данные материалы могут использоваться и при выпуске духовной литературы, т.к. большинству издателей эта «азбука» не известна.

Л и т е р а т у р а

1. Карский Е.Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928.
2. Черепиш Л.В. Русская палеография. М., 1956.
3. Тихомиров М.Н., Муравьев А.В. Русская палеография. М., 1966.
4. Словарь древнерусского языка XI — XVII вв. Л, 1978. Вып. 5.

С. В. Власов
(Санкт-Петербург)

К истории буквы Ё: легенды и факты

В последнее время широкое распространение в печати и в Интернете получила новая информация о происхождении буквы ё, во многом благодаря работам и многочисленным акциям писателя В.Т. Чумакова, который опубликовал в соавторстве с историком Е.В. Пчеловым научно-популярную книгу «Два века русской буквы Ё. История и словарь» [1] и создал в Интернете сайт «Ё – седьмая, счастливая буква азбуки» (портал portal@gramota.ru). Именно по Е.В. Пчелову и В.Т. Чумакову излагается теперь в Интернете история буквы ё, например в популярном русском варианте электронной энциклопедии под названием «Википедия», в статье «Ё (кириллица)».

Согласно этим новым данным, которые восходят к другой научно-популярной книге – «Российская Академия» С.М. Некрасова [2, с. 74], букву ё изобрела княгиня Е.Р. Дашкова, предложившая на заседании Российской Академии 18 ноября 1783 «вести новую букву «ё» для обозначения соответствующего звука, существующего в русском разговорном языке» (там же; ср. ещё [3, с. 29]).

Обращение к протоколам Российской Академии показывает, что на самом деле княгиня Екатерина Романовна Дашкова, президент Российской Академии, предложила на рассмотрение собрания Академии не букву ё, а букву *г^о*, уже известную в России с 30-х годов XVIII в.:

«Ея Святельство Княгиня Екатерина Романовна предлага [sic!] собранію въ рассужденіи буквъ что не токмо не надлежитъ сокращать азбуки; но еще не пременно нужно ввести двѣ новыя буквы 1.^а *г^о* соответствующей немецкому или латинскому *g* [...] 2.^а *г^о* или *г^оту* для выраженія словъ и выговоровъ съ сего согласія начинающихся; какъ *мат^горый*; *г^олка*, [...] и пр. ибо выговоры сіи уже введены обычаемъ [...]» (ПФА РАН, фонд 8, опись 1, ед. хр. № 1. Л. 22 оборот – 23.)

Вопреки легенде об изобретении буквы ё княгиней Е.Р. Дашковой, ни это собрание Российской Академии, ни все последующие собрания так и не утвердили ни новую букву *г^о* (для изображения заднеязычного смычного согласного [г]), также предложенную Е.Р. Дашковой, ни букву *г^о* (не ё!),

отсутствующую в церковнославянской азбуке. Более того, что касается этих новых московских «выговоров», то в конце концов «о московскомъ нарѣчїи оставлено прежнее положеніе академіи; то есть чтобы не правильной оныхъ выговоръ исправлять правописаніемъ Священнаго Писанія [sic!]» (ПФА РАН, фонд 8, опись 1, ед. хр. № 1. Л. 43)

Легенда об изобретении буквы *ѣ* княгиней Дашковой легла в основу ещё более красивой легенды, предложенной Е.В. Пчеловым и В.Т. Чумаковым в названной книге. Согласно московским историкам, об изобретении буквы *ѣ* княгиней Е.Р. Дашковой стало известно через Г.Р. Державина, якобы присутствовавшего на заседании Российской Академии 18 ноября (29 ноября по новому стилю) 1783 г. (на самом деле Г.Р. Державин присутствовал только на первом, торжественном заседании 21 октября 1783 г.), сначала И.И. Дмитриеву, а потом Н.М. Карамзину, которые и ввели эту букву в типографскую практику в некоторых изданиях Ридигера и Клаудия.

В данных легендах, как и во всяких легендах, есть известная доля правды. Это спорадическое употребление благодаря княгине Е.Р. Дашковой диграфа *г^о* (а не буквы *ѣ*) в ряде просторечных форм в «Словаре Академии Российской», а также использование буквы *ѣ*, помимо некоторых изданий Н.М. Карамзина и И.И. Дмитриева, о которых речь пойдет далее, в «Сочинениях» Г.Р. Державина, изданных в 1798 г. в Москве, в Университетской типографии, у Ридигера и Клаудия и под наблюдением Н.М. Карамзина (последнее важное обстоятельство Е.В. Пчелов и В.Т. Чумаков даже не упоминают). По мнению Я.К. Грота, сличавшего это издание «Сочинений Державина» с рукописью, издание 1798 г. «много обязано» Карамзину «в отношеніи къ орфографіи и къ пунктуаціи, которыя въ рукописи были очень неудовлетворительны» [4].

Ещё академиком Я.К. Гротом было установлено, что букву *ѣ* в русскую типографскую практику ввёл Н. М. Карамзин, в 1797 году, в издании второй книжки «Аонид». Буква *ѣ* в этой книге употреблена только один раз в стихотворении «Опытная Соломонова мудрость, или мысли [.] выбранныя изъ Экклезіаста», в слове *слёзы*, рифмуемъся со словом *розы*:

Тамъ бѣднѣй проливаетъ слёзы,
Въ судѣ невинный осуждёнъ,
Глупецъ уваженъ и почтенъ;
Злодѣй находитъ въ жизни *розы*.
Для добрыхъ терніе растётъ:
Для нихъ уныль. печалень свѣтъ.

Данное нововведение сопровождается в тексте следующим примечанием: «Буква *е* съ двумя точками наверху замѣняетъ *іо*» [5, с. 176]. Как видим, здесь постановка двух точек над *ѣ* вызвана желанием Н.М. Карамзина предупредить читателя о том, что для рифмы необходимо прочесть слово *слёзы* с *о*, а не *е* (*слезы*), как произносились все слова с *е* под ударением в традиционном, книжно-славянском стиле (ср., например, рифму *небесъ* – *слезъ* в другом стихотворении этого сборника). Мы не можем точно сказать, каким образом у

Н.М. Карамзина (или у его «соавторов» – печатников Х. Ридигера и Х.А. Клаудия, возможно, даже виновников этого невольного изобретения, заменивших, вероятно, отсутствующую у них литеру *ŕ* (о литерой *ë* из иностранной наборной кассы) возникло это гениальное решение, которое указывало на особое произношение буквы *ë*, не нарушая при этом морфологического принципа традиционной орфографии (сохранение написания *e* независимо от его ударной или безударной позиции в слове и реального произношения). Это решение может быть подсказано в первую очередь употреблением двух точек над гласными буквами для обозначения перегибков – *umlauts* (*ä, ö*) в немецком языке. В функциональном плане в русском языке также происходит перегибка, чередование *e – o* в зависимости от стиля речи – ориентированного на книжно-славянские или на народные образцы. Здесь также можно усмотреть чисто графическое, а не функциональное, влияние начертаний французских слов с надстрочным знаком *trema* (греческого происхождения), т. е. слов с двумя точками, над буквой *e*, хотя этот знак имеет во французском языке другую функцию, нежели в русском или немецком языках, он обозначает раздельное произношение двух гласных (например, *Noël, Israël, etc.*). «Переносъ сихъ двухъ точекъ съ иностранныхъ буквъ на нашу» отметил уже современник и антагонист Н.М. Карамзина – вице-адмирал А.С. Шишков, резко выступивший в 1811 г. против буквы *ë*, изображающей, по его словам, «простонародный» и «безобразный звукъ» *id* [6, с. 24 – 37].

Все эти параллели вполне очевидны. Но возможны также иные сближения, илушие из церковно-славянской рукописной традиции использования «просодий» (диакритических знаков), в частности использования двух точек (или двух косых чёрточек, или двух запятых сверху) не только над *i* десятиричным, но и над другими гласными. В некоторых средневековых грамматических сочинениях две косые чёрточки слева направо вверх над буквой (*˘*) назывались славянским термином «оковавы», возводимым И.В. Ягичем к слову *око*, «что выражало бы обозначение похожее на «оба ока» [7, с. 795]. Можно предположить, что Н.М. Карамзин, не только писатель-сентименталист, но и известный в будущем историк и выдающийся палеограф, знал название «оковавы» для обозначения двух косых чёрточек (в дальнейшем – двух точек) над гласными в славянских рукописях и, ставя две точки над *e* именно в слове *слезы*, ассоциировал графически этот знак со слезами, текущими из обоих очей. Даже если он и не знал термина «оковавы», зрительное сходство двух точек с двумя глазами могло у него возникнуть и вполне естественно (ср. статью Д.Г. Демидова, в настоящем сборнике), как оно возникло у безымянных создателей термина «оковавы».

Мы обнаружили, что ещё до Карамзина, буква *E* и *e* с двумя ударениями использовалась сербским и русским педагогом Янковичем де Мириево во втором издании «Сравнительного словаря всех языков и наречий» (СПб., 1790 – 1791) в русской транскрипции венгерских и французских слов:

«Ve' re" шь Красно – По-венгерски». «De" Два – По-Ново-Французски». «E" Поясь. Она. Онъ – По-венгерски» [8]. Ср. также: Часть I. «Примечания» перед

словником: «Буквы Е" и е^d, надъ которыми находятя два ударенія, произносятся какъ Нѣмецкое ö, или Французское eu». (В первом издании словаря под названием «Сравнительные Словари встѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею Всевысочайшей Особы» (Часть I – II. СПб., тип. Шнора, 1787 (часть I) – 1789 (часть II) эта буква ещё отсутствует).

Здесь также имеется, на наш взгляд, не только функциональная аналогия с надстрочным обозначением немецкого умлаута, но и чисто графическое влияние написаний слов с надстрочным знаком «оковавы» в сербских рукописях. Так, в сербских рукописях знак " ставился на кратких, односложных словах, для указания, что этим слогом слово кончается (*се*“, *те*“ и т.д.) [7, с. 428, 502].

В книге «Два века русской буквы Ё. История и словарь» Е.В. Пчелов и В.Т. Чумаков впервые указали на употребление буквы ё в некоторых стихотворных сборниках, с их точки зрения ещё более ранних, чем вторая книжка «Аонид» 1797 г. Следует сказать, что эти более ранние, по их мнению, публикации были выпущены также под наблюдением Н.М. Карамзина в качестве издателя и также в типографии Московского университета, у Ридигера и Клаудия. Речь идёт о втором, исправленном, издании сборника И.И. Дмитриева «И мои безделки», датированном на титульном листе, как и первое издание, 1795-м годом, и о перепечатке, с некоторыми изменениями, 1-ой книжки «Аонид», как и первое издание этой книжки, датированной на титульном листе 1796-м годом. При этом вне поля зрения Е.В. Пчелова и В.Т. Чумакова осталось оригинальное издание 1-ой книжки «Аонид», так называемый «1-м вариант», сохранившийся, судя по «Сводному каталогу русской книги гражданской печати XVIII века», лишь в одной из крупнейших библиотек России – Российской Национальной Библиотеке в Санкт-Петербурге [9, с. 118-119].

Внимательно изучив оригинальное первоиздание сборника «И мои безделки» 1795 г., а также первый вариант 1-ой книжки «Аонид» 1796 г., мы обратили внимание на отсутствие буквы ё и в том, и в другом «настоящем», подлинном первоиздании (а не только в первоиздании сборника «И мои безделки», как о том пишут Е.В. Пчелов и В.Т. Чумаков). Это объясняет тот факт, что такой педантичный и серьёзный учёный, как Я. Грот, не нашел буквы ё ни в хорошо известном ему сборнике «И мои безделки» 1795 года, ни в первой книжке «Аонид» 1796 года. Не учёл факта перепечатки «Аонид» и Б.И. Осипов, указывающий как дату появления ё 1796 год. [10]. Поскольку лишь во второй книжке «Аонид» 1797 г. Карамзин разъясняет в примечании значение вводимой им новой буквы ё, а в перепечатках упомянутых нами изданий употребление новой буквы вообще уже никак не оговаривается, то можно предположить, что, несмотря на даты титульных листов, и ту, и другую перепечатку, в которые, помимо буквы ё, внесены и другие изменения, следует, видимо, датировать не ранее, а позднее выхода в свет второй книжки «Аонид» 1797 года. Известно, что некоторые переиздания произведений Н.М. Карамзина, несмотря на более ранние даты на титульных листах, вышли в 1801 г., в Москве, также в Университетской типографии, у Ридигера и Клаудия, как и интересующие нас

издания [11].

Введённое в типографскую практику поэтами круга Карамзина и осуждаемое архаистами во главе с А.С. Шишковым, тем не менее, употребление новой буквы *ѣ* довольно быстро (но ненадолго) было кодифицировано в развёрнутом примечании о букве *е*, которое составил в 1808 г. молодой А.Х. Востоков для «Краткого руководства к русской словесности» И.М. Борна [12, с. 3 – 6] и воспроизвёл в 1827 г. с небольшими изменениями в своей «Практической русской грамматике» Н.И. Греч [13, с. 458-460]. Последний, однако, уже пишет, что две точки над буквой *е*, произносимой «как *йо*», ставятся лишь иногда, «напримѣръ: слёзы, берёза» [13, с. 458-459]. В дальнейшем, под давлением ломоносовской традиции и сторонников А.С. Шишкова, отношение Востокова к употреблению буквы *ѣ* стало общепринятым, то есть отрицательным: «Для изображенія звука *ю*, слышимаго въ просторѣчїи вмѣсто *е*, введено начертаніе *ѣ*; но употребленіе сего начертанія не одобряется просвѣщеннѣйшими судїями языка, будучи признаваемо излишнимъ тамъ, гдѣ можно писать *е*, напр. *ежъ, ледъ*, хотя бы и произносили *южъ, людъ* [...]» [14, с. 345. Ср. с. 8, 355 – 356].

Отрицательное отношение к букве *ѣ* привело к тому, что в обычной орфографической и типографской практике вплоть до наших дней возобладала буква *е*. Уже М. В. Ломоносовым буква *е*, как известно, рассматривалась в качестве многозначной буквы, которая может «выговариваться» и как «тонкое *о*». Сие бывает, когда какая самогласная буква переменится чрез склонение или спряженіе на *е* с ударением. Например: *три, трехъ; везу, везешь; огонь, огнемъ* выговаривают в просторечии *три^охъ, вези^ошь, огни^омъ* [15, с. 425].

Несмотря на все свои недостатки, отказ М.В. Ломоносова от буквы *ѣ*, функциональной предшественницы современного *ѣ*, и удержание в правописании только буквы *е* имели важные преимущества перед альтернативными вариантами. Тем самым не только упрощалась орфография и снимался вопрос о колебаниях в произношении и написании буквы *ѣ*, но и становился более лёгким, экономичным и единообразным типографский набор текстов. Эти прагматические моменты определяют до сих пор нежелание признать букву *ѣ* не только *de jure*, но и *de facto* в общепринятой книгоиздательской практике, оказывающей решающее влияние и на отношение к букве *ѣ* большинства пишущих по-русски как к факультативной.

Литература

1. Чумаков В.Т., Пчелов Е.В. Два века русской буквы *ѣ*: история и словарь. М., 2000.
2. Некрасов С.М. Российская Академия. М.: 1984.
3. Каверина В.В., Бондирева О.С. Происхождение и употребление буквы *ѣ*: проблемы орфографии и орфоэпии // Фонетика и письмо как непрерывно развивающиеся явления. Омск. 2007.
4. Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчанїями Я. Грота. Т. 8. СПб., 1880. Биографія поэта. С. 719. Т. 1. СПб., 1864. С. XVI – XX.

канторы (175)), т.к. впервые это слово заимствовано именно в такой форме из голландского (*kantoor*) или польского (*kantor*) языков [2, с. 313].

Таким образом, мы видим, что последовательнее всего в исследуемых документах середины XVIII века аканье отражается: 1) в первом предупредном слоге, 2) в соседстве с сонантами, 3) в заимствованных словах. Об особой функции первого предупредного слога в динамической структуре слова и, соответственно, его особом положении не раз говорилось различными исследователями. На то, что аканье развивалось активнее в позиции перед сонантами, указано в [6, с. 23]. Похожие выводы сделаны в [7], [8].

Л и т е р а т у р а

1. Памятники московской деловой письменности XVIII века. М.: Изд-во «Наука». 1981.
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 1 (А – Д) / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. – 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 (Е – Муж) / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. – 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Муза – Сят) / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. – 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987.
5. Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков: Историко-диалектологический очерк. Изд. 2-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006.
6. Осипов Б.И., Марков В.М., Снегирев Ю.А., Литвинова И.Ю. Опыт экспериментально-фонетического исследования артикуляционных механизмов возникновения русского аканья // Фонетические и орфографические исследования: Сб. науч. трудов. Ижевск: Удм. гос. ун-т, 1983 – 116 с.
7. Гашев В.В., Харламова М.А. Развитие заударного аканья в памятниках московской деловой письменности XVIII века // В.А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение: Труды и материалы Международной научной конференции (Казань, 4 – 7 мая 2007 года) / Казан. гос. ун-т; Ин-т языкознания РАН; Ин-т лингвист. исслед. РАН; под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. Казань: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007.
8. Гашев В.В. О некоторых особенностях отражения аканья в русском языке XVII века // Язык. Человек. Ментальность. Культура: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Ч. I. Омск: Омск. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского. Изд-во «Вариант-Омск», 2008.

Д. Г. Демилов
(Санкт-Петербург)

Две точки над гласной буквой в XVII – XVIII вв. (Из истории русской диакритики)

1. Мы не имеем ещё полных и верных представлений о влиянии «книг церковных в российской языке», книг печатных и рукописных, на новую, гражданскую манеру письма и новые правила типографской печати, благополучно сосуществовавшие и сосуществующие ныне в нашем культурном обиходе с правилами более раннего происхождения – церковными.

Новая буква Э, начертания букв Я, У, Щ возникли под влиянием